

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ЦЕРКОВЬ.

I.

Въ настоящее время слышатся жалобы многихъ на различные недочеты религіозной жизни и своей личной и чужой; множество лицъ ищутъ религіозной жизни и утверждаютъ что не могутъ ея найти въ силу нѣкоторыхъ условій современной жизни. Въ чемъ заключаются эти условія, препятствующія религіозному существованію—объ этомъ говорятъ различно, обвиняя при этомъ рѣшительно всѣхъ и вся. Что нужно сдѣлать, чтобы отыскать недающуюся искомую религіозную жизнь—объ этомъ тоже говорятъ различно. Но вообще при этомъ менѣе всего обращаютъ вниманія на самое главное—на правильное соотношеніе личности и Церкви въ религіозной жизни. Между тѣмъ наши религіозные недуги едва ли не зависятъ болѣе всего отъ развитія *религіознаго индивидуализма* въ связи съ ослабленіемъ *коллективной* религіозной жизни.

Въ прошломъ году я пробовалъ обратить общественное вниманіе на одну сторону этого же вопроса въ брошюрѣ „Запросы жизни и наше церковное управленіе“. Конечно отношенія личности и церкви не исчерпываются вопросомъ объ управленіи. Но всѣ замѣчанія, которыя мнѣ пришлось выслушать по поводу этой брошюры, хорошо показываютъ, какъ далеко у насъ отошли отъ пониманія важности правильныхъ отношеній личности и церкви не въ одномъ управленіи, а именно вообще во всѣхъ видахъ ихъ.

Всѣ мы съ дѣтства заучили догматическія положенія о единоспасающей церкви. Но есть разница между догматикой и популярными вѣрованіями, нерѣдко избирающими себѣ

лишь нѣкоторыя излюбленныя части догматики и оставляющими другія части въ почетномъ небреженіи и малоизвѣстности. Такова участь и нѣкоторыхъ частей ученія о Церкви.

Говоря о неуройствахъ нашей религіозной жизни, я сказалъ въ упомянутой брошюрѣ, что центральнымъ пунктомъ нашей заботы объ исцѣленіи этихъ разстройствъ должно быть возстановленіе правильнаго строя церковнаго управленія.

По поводу этой то безспорной истины я услышалъ рядъ возраженій даже отъ людей, которые должны бы прекрасно знать такъ сказать философію догматики.

Одни мнѣ возражали, что наши религіозныя разстройства зависятъ не отъ неправильнаго строя церкви, а отъ общей малонравственности, отъ духа гордыни въ личности и ея развращенныхъ стремленій.

Другіе обвиняютъ въ религіозной расшатанности народа—само духовенство, выражая увѣренность, что если бы поднять уровень духовенства путемъ повышенія его образованія, матеріальнаго обезпеченія и т. д.—то духовенство получитъ на паству должное вліяніе и приведетъ нашъ духъ въ порядокъ.

Третьи указывали всю бѣду въ томъ, что мы, Русскіе, отличаемся плохо развитымъ *пониманіемъ* догматовъ, приписываемъ обязательность тому, что не имѣетъ важности и не хранимъ того, что обязательно. Отсюда выводъ, что пока мы стоимъ на такомъ низкомъ уровнѣ религіознаго пониманія,—мы не способны жить правильной церковной жизнью и улучшение церковнаго строя ничему не поможетъ, ибо еще вопросъ, въ какія руки попадетъ усилившаяся церковная власть...

При всемъ различіи этихъ замѣчаній, онѣ имѣютъ характеристическую общую черту: вся бѣда сводится къ недостаткамъ *личности* мірянина или клирика, къ состоянію ихъ ума или совѣсти. Исправить *людей* и тогда все будетъ хорошо, тогда можно, пожалуй, подумать и о правильномъ устройствѣ церковной жизни и управленія...

Выходитъ, что мы лишь на словахъ повторяемъ фразы о единоспасающей церкви, а на дѣлѣ вѣримъ только въ отдельныхъ людей, въ ихъ умъ, знанія, вѣримъ даже въ силу

увеличеннаго жалованія, способнаго „поднять уровень“. Но чтобы само коллективное религиозное существованіе могло имѣть значеніе для нашего ума, пониманія, совѣсти—этому мы уже не вѣримъ сколько нибудь серьезно, и у насъ не Церковь спасаетъ людей, а люди, улучшивъ сами себя, будутъ спасать Церковь. Съ православной точки зрѣнія разсужденіе должно бы идти совершенно обратнымъ путемъ: чѣмъ ниже мы пали, чѣмъ мы стали развращеннѣе и невѣжественнѣе, тѣмъ съ большей энергіей должны бы мы стараться возстановить правильное дѣйствіе Церкви, то есть нашей совмѣстной религиозной жизни, какъ единственный способъ поднять и повысить столь низко павшихъ людей.

Но видно — значеніе совмѣстной, церковной жизни для религиознаго существованія представляется намъ лишь въ видѣ какой то книжной формулы, реального смысла которой мы уже не схватываемъ... по крайней мѣрѣ очень и очень многіе изъ насъ.

II.

Должно однако напомнить, что общественный, церковный элементъ, совмѣстная религиозная жизнь, составляетъ самое неотмѣнимое требованіе въ Христіанствѣ. Совмѣстная религиозная жизнь составляетъ Божественное учрежденіе и Божественную заповѣдь, не въ смыслѣ какой то незначущей формы, а какъ *необходимое* условіе христіанскаго существованія, именно для того чтобы развращенные приходили къ добродѣтели, а несвѣдущіе къ свѣту разумѣнія. Жизнь церковная, коллективная, вовсе не есть заключительное звено нашего религиознаго развитія, а его исходный пунктъ. Спаситель, Богъ всевѣдущій, лучше насъ зналъ развращенность и неразуміе человѣческое, но устрояя дѣло спасенія нашего, указалъ съ самаго начала необходимость Церкви, Самъ ее учредилъ, и не отдѣльнымъ святымъ и пророкамъ, а Церкви Своей оставилъ права опредѣленія истины и руководство нами. Онъ заповѣдалъ ученикамъ не порознь а вмѣстѣ, цѣлою церковью, идти къ вѣчной жизни. Онъ и въ Первосвященнической молитвѣ Своей просилъ Отца: „Да будутъ все едино, какъ Ты Отче во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ *едино*... „Я въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ *совершенно* во едино“... Совершенно—это значитъ, напо-

мню, устроены, улажены... Исполненіе этой заповѣди Спасителя, постоянный призывъ къ совмѣстному совершенію своего спасенія, составили затѣмъ неизмѣнную заботу Апостоловъ, мужей Апостольскихъ и всѣхъ учителей первенствующей Церкви.

Напрасно было бы, для объясненія тѣсной совмѣстности религіозной жизни тѣхъ временъ, сослаться на особливую святость христіанъ первенствующей Церкви. Не дремалъ грѣхъ и тогда, не разъ приходилось учителямъ Апостольской церкви обличать и наказывать своихъ духовныхъ дѣтей. Но обращаясь къ согрѣшавшимъ, они особенно увѣщевали ихъ къ совмѣстной, какъ бы слитой духовной жизни.

Посланія всѣхъ Апостоловъ въ этомъ смыслѣ одинаково краснорѣчивы. Жизнь христіанина у нихъ не мыслится внѣ коллективнаго существованія. Жизнь христіанина для нихъ есть созиданіе Тѣла Христова, которое есть Церковь. Общество христіанъ—это храмина, въ которой обитаетъ Христосъ, а люди — отдѣльные камни, изъ которыхъ строится храмина или башня, какъ иногда выражались. „И сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный“, пишетъ Апостоль Петръ (1, 2—5). Въ извѣстной книгѣ Ерма „Пастырь“, писанной около 125 лѣтъ по Р. Х., Церковь уподобляется башнѣ, которая строится Ангелами изъ камней (люди), доставаемыхъ въ водахъ (крещенія). Камни такъ гладко пригнаны, что башня кажется слитой изъ одного. Плохіе же камни, не сходящіеся такъ слитно, или обтесываются или совсѣмъ отбрасываются. Слитность христіанъ поэтически образно символизируется въ древней евхаристической молитвѣ „Ученія 12 Апостоловъ“ (2-го вѣка). „Какъ сей преломляемый хлѣбъ былъ разсѣянъ по холмамъ и долинамъ и собранный вмѣстѣ сталъ единымъ, такъ и церковь Твоя отъ краевъ земли да соберется въ Царствіе Твое“. Св. Игнатій Богоносецъ, ближайшій ученикъ Апостоловъ, во всѣхъ посланіяхъ твердитъ о единеніи. „Всѣ вы, пишетъ онъ Магнезіяцамъ, составляете изъ себя какъ бы одинъ храмъ Божій, какъ бы одинъ жертвенникъ, какъ бы одного Иисуса Христа“. „Никто да не обольщаетъ себя, поясняетъ онъ: кто не внутри жертвенника, тотъ лишаетъ себя хлѣба Божія“. „Не думайте чтобы вышло что либо похвальное, если будете это дѣлать сами по себѣ, но въ общемъ собраніи да будетъ у васъ

одна молитва, одно прошеніе, одинъ умъ, одна надежда въ любви и радости непорочной“ (Магнез. гл. 7). „Старайтесь собираться чаще, пишетъ онъ Ефесянамъ, ибо если вы часто собираетесь вмѣстѣ, то низлагаются силы Сатаны и единомыслиемъ вѣры вашей разрушаются гибельные дѣла его“ (гл. 12).

Посему то: „Вмѣстѣ подвизайтесь, вмѣстѣ совершайте путь спасенія, вмѣстѣ терпите, вмѣстѣ успокаивайтесь, вмѣстѣ вставайте, какъ Божіи домостроители, домочадцы и слуги“ (Поликарпу, гл. 6).

Апостоль Варнава, сотрудникъ Павла, точно также представляетъ христіанъ: „Вы не должны отдѣляться отъ другихъ, какъ будто вы были оправданы, но собираясь въ одно мѣсто изслѣдуйте, что прилично и полезно возлюбленнымъ вообще“ (Посл. гл. 4).

Св. Климентъ, скончавшійся въ 68 году, настаивая на единеніи, говоритъ: „Прилѣпнитесь къ святымъ, ибо прилѣпляющіеся къ нимъ освятятся“ (Коринф. 1—46). Онъ приводитъ обычное уподобленіе Церкви тѣлу: „Такъ пусть будетъ здраво и все наше тѣло о Христѣ и каждый повинуется ближнему своему сообразно со степенью, на которой онъ поставленъ дарованіемъ Его“.

Все это голоса древнѣйшей Церкви, но тотъ же голосъ мы слышимъ и понынѣ. Въ своемъ Катихизисѣ мы учимъ: Вопросъ: „Не должно ли признавать *необходимо нужнымъ* для спасенія, чтобы вѣрующій къ ней (Церкви) принадлежалъ?“ Отв. „Совершенно такъ... Дабы имѣть участіе въ Его спасеніи (Христа)—необходимо нужно быть членомъ Его тѣла, т. е. Католической Церкви“. Это мы постоянно указываемъ раскольникамъ. Посланіе Восточныхъ Патріарховъ, обличая еретиковъ, говоритъ, что „оставляя церковь, они бывають оставляемы св. Духомъ и не остается въ нихъ ни знанія, ни свѣта, но тьма и ослѣплѣніе“. Нашъ вѣроучитель, Филаретъ Митрополитъ Московскій, замѣчаетъ: „Помыслимъ, что сколь неодолима она (Церковь) въ своей полнотѣ и цѣлости, столь же напротивъ каждый изъ *стоящихъ въ ней порознь* долженъ опасаться и нападенія и одолѣнія“ (*Слова и рѣчи*, т. II, стр. 411). Это выраженіе „стоящихъ въ ней порознь“ указываетъ на опасности религіозной изолированности, хотя бы и не доходящей до раскола, а только держащей насъ

внѣ живого участія во всей полнотѣ Христіанской общественности, которая связываетъ личность и съ Богомъ, и съ людьми, и съ цѣлями міровой Исторіи.

III.

Несмотря на ясность этого вѣкового призыва, мы съ нимъ теперь очень мало сообразуемся, безъ сомнѣнія до нѣкоторой степени потому, что не понимаемъ его смысла. Человѣкъ, для того чтобы исполнять требованіе дѣйствительно, а не только для формы,—долженъ понимать, зачѣмъ нужно требуемое отъ него. Древніе христіане и понимали, почему имъ лично нужна Церковь, общество, и почему они сами нужны для этого общества, и къ чему ихъ обязываетъ эта взаимная надобность. Потому то религіозная жизнь имѣла у нихъ такое всепоглощающее значеніе. Теперь положеніе измѣнилось. Религіозная жизнь не исполмѣщаетъ всѣхъ силъ человѣка, ибо ея содержаніе въ его пониманіи очень сѣузилось. Что такое религіозная жизнь? Обыкновенно отвѣчаютъ: „общеніе съ Богомъ“. Но что такое это общеніе? Каково его содержаніе? Каковы его послѣдствія въ содержаніи нашей жизни? Древній христіанинъ все это прекрасно понималъ, нынѣшній въ большинствѣ случаевъ почти не понимаетъ. Можетъ быть это зависитъ отъ того, что нынѣ это мало и плохо разъясняютъ. Можетъ быть, что стало труднѣе уловить должное содержаніе нашей религіозной жизни съ тѣхъ поръ, какъ Церковь стала со всѣхъ сторонъ заливаться волнами „міра“. Однако чѣмъ сложнѣе положеніе, тѣмъ нужнѣе знать, какъ среди него устроить свою душу, то есть знать истинное содержаніе религіозной жизни, которое христіанствомъ ставится въ такую тѣсную связь съ общественностью.

Въ настоящее время, въ связи съ сѣуженіемъ нашихъ представленій о церковной идеѣ, въ наше міросозерцаніе, а затѣмъ и въ практику жизни, врывается все въ болѣе ненормально расширенной степени одно изъ могущественнѣйшихъ „мірскихъ“ попеченій—именно о строѣ социальномъ. При всей важности и даже высотѣ своей, идея социальная, въ дѣйствительности ниже церковной по своему содержанію и міровому значенію. Фактически же социальная идея начинаетъ затушевывать въ умахъ идею церковную, и даже

являются тенденціи испомѣстить идею религіозную въ среду соціальную, обществомъ поглотить церковь. Человѣческое общество, какъ міровое явленіе, чаруетъ умы своей силой, стройностью, благотѣльностью. На соціальную среду переносится почти религіозное благоговѣніе. „Жить для общества“, „жить общественными интересами“—это для множества лучшихъ людей нашего времени не пустыя слова, а выраженіе наиболѣе великаго ихъ нравственнаго содержанія, за которое они готовы отдать жизнь, ибо безъ него ихъ жизнь была бы пустой и бессмысленной. Церковная же идея потускнѣла въ умахъ. Что значитъ жить для общества—всякому кажется понятнымъ. Понятнымъ кажется и вопросъ, какъ въ этомъ служеніи помѣстить свои силы. Но что значитъ жить для Церкви? Значитъ ли это сдѣлаться по малой мѣрѣ псаломщикомъ? Или чиновникомъ духовнаго вѣдомства? Жизнь церковная начинаетъ казаться какимъ то специальнымъ уголкомъ человѣческой жизни, средой „удовлетворенія религіозныхъ потребностей“, подобно тому какъ есть учрежденія для удовлетворенія эстетическихъ потребностей и т. д.

Это затираніе церковной идеи общественною составляетъ тончайшій обманъ современности, такъ что безъ восстановленія правды, безъ выясненія *дѣйствительныхъ* соотношеній общественности и церковности въ міровой жизни, нынѣшнему человѣку почти уже нельзя понять, чѣмъ можетъ и должна быть церковь въ его религіозной жизни.

IV.

Вопросы церковности въ связи съ общественными у насъ страстно и настойчиво разрабатывалъ В. С. Соловьевъ, и въ этой области имѣеть, отчасти, неоцѣнимыя заслуги. У него христіанинъ задавалъ себѣ вопросъ о своемъ отношеніи ко всему міру, ко всей исторіи, ко всѣмъ задачамъ Божіаго промысленія о людяхъ. Задача личнаго спасенія у Владимира Соловьева постоянно разсматривалась въ связи съ обязанностями христіанина какъ „Божія домостроителя“. Это обнаруженіе жизненности и всесторонности религіозной жизни составляетъ огромную заслугу В. Соловьева.

Мнѣ особенно пріятно выразить это, потому что мнѣ не-

мало приходилось полемизировать противъ покойнаго фило-софа. Но я долженъ повторить и теперь, что его учение пестрило множествомъ ошибокъ, опасныхъ даже не столько для него, какъ для его послѣдователей. Для В. Соловьева была недостаточно ясна природа *соціальной* жизни, почему отношеніе церковности къ *соціальной* жизни устанавливалась имъ невѣрно. При этой постановкѣ почти неизбѣженъ хиліазмъ, отъ котораго и самъ онъ былъ очень недалекъ.

„Явленіе новаго *духовнаго* *человѣка* во Христѣ, говоритъ Соловьевъ, есть сосредоточіе всемірной Исторіи. Конецъ же или цѣль этой Исторіи есть явленіе *духовнаго* *человѣчества*“. Эта цѣль, по Соловьеву, достигается какъ путемъ личнаго усовершенствованія, такъ и путемъ улучшенія *общественныхъ* *отношеній*“ (Осн. Дух. Жизни, гл. 3). Такую постановку Соловьевъ основывалъ на томъ что „между лицомъ и обществомъ существуетъ обоюдная зависимость“... „Общество складается изъ лицъ, но и лица живутъ только въ этомъ сложении и гибнуть въ одиночествѣ... Поэтому улучшить *человѣчество* однимъ личнымъ дѣйствіемъ, т. е. прямымъ дѣйствіемъ на отдѣльныя лица, также невозможно, какъ исцѣлить больной организмъ, дѣйствуя на каждую его клѣточку въ отдѣльности“. „*Человѣчество*“ представлялось Соловьеву, по довольно уже устарѣлымъ теоріямъ—чѣмъ то коллективно цѣлымъ, вродѣ организма, и на этой почвѣ онъ доходитъ даже до формулы „Общество есть дополненная и расширенная личность, а личность—сжатое и сосредоточенное общество“ (Оправд. Добра, 203). Все это крайне фантастично съ *соціологической* точки зрѣнія, а между тѣмъ служитъ основой для ряда важнѣйшихъ выводовъ. „Чтобы возродить все *человѣчество*, *христіанство* должно проникнуть не только его личныя но и *общественныя* стихіи“. „Богочеловѣческая связь должна быть восстановлена не только лично но и собирательно“. При этомъ „Божественная стихія имѣетъ свое собирательное выраженіе въ церкви“, а „чисто *человѣческая* стихія имѣетъ подобное же выраженіе въ государствѣ“. Отсюда въ сочетаніи ихъ для Соловьева является идеаль христіанскаго государства.

Во всей этой теоріи своей В. Соловьевъ страшно раздувалъ значеніе *соціального* строя (который смѣшивать съ *человѣчествомъ*) и, понятно—тѣмъ самымъ умалялъ значе-

ніе Церкви, въ дѣйствительности составляющей единствен-
ный высшій строй человѣческой общественности, единствен-
ную реализацію „духовнаго человечества“.

Преданный Церкви, Соловьевъ, вопреки намѣреніямъ сво-
нимъ, отнималъ у ней, въ пользу социальнихъ фантазій, ея
дѣйствительное значеніе.

Чтобы понять содержаніе религіозной жизни во всей ея
полнотѣ, необходимо понять дѣйствительное мѣсто *религіоз-
ной общественности* (то есть Церкви) въ той общей жизни
вселенной, которая составляетъ среду нашего человѣческаго
существованія.

Попытаемся же это сдѣлать.

V.

Разсматривая общую міровую жизнь, мы видимъ въ ней
какъ бы нѣсколько возвышающихся одинъ надъ другимъ
этажей—особыхъ категорій явленій или процессовъ: жизнь
неорганическая, органическая, животная, и жизнь духов-
ная. Человѣкъ видѣренъ во всѣ эти категоріи явленій, спу-
скаясь до самыхъ низшихъ и восходя до высшихъ.

Всѣ эти категоріи явленій, при коренномъ различіи нѣ-
котораго особаго принципа или элемента, ихъ одна отъ дру-
гой отличающаго, подчинены общему закону единенія, ко-
торый каждая категорія явленій осуществляетъ по своему,
но отъ котораго ни одна изъ нихъ не уклоняется. Природа,
въ предѣлахъ каждаго слоя явленій, все объединяетъ въ
нѣкоторый общій, стройный, гармоническій порядокъ.

Такъ мы видимъ стройный кругъ явленій въ мірѣ не-
органическомъ—въ комбинаціи небесныхъ тѣлъ, въ комби-
націяхъ силъ и веществъ физическихъ и химическихъ.

Въ мірѣ живомъ, органическомъ — мы видимъ сліяніе
основныхъ его элементовъ въ одинъ цѣлый организмъ.

Въ мірѣ животномъ мы замѣчаемъ общественность, какъ
общій законъ существованія особей, къ этой общественно-
сти примыкаетъ и человѣкъ въ своемъ социальномъ суще-
ствованіи.

Въ соприкосновеніи съ духовнымъ міромъ является новый
строй—Церковная коллективность.

Человѣкъ, какъ учитъ насъ вѣра, заключаетъ въ себѣ
три разнородныхъ элемента: матеріальный, который его при-

вязываетъ къ природѣ неорганической и органической, душевный, который общъ ему со всѣмъ животнымъ міромъ, имѣющимъ „душу живу“, и наконецъ духовный, въ которомъ человѣкъ выходитъ изъ міра явленій матеріальной и видимой природы.

Не пускаясь въ догадки о томъ, какой смыслъ имѣетъ эта тройственная природа человѣка въ общихъ цѣляхъ Божественнаго мірозданія, и оставаясь въ предѣлахъ точныхъ данныхъ науки или ясныхъ указаній Откровенія,—мы должны признать, что эти три категоріи явленій стоятъ рядомъ прочно и неизблемо, и одна въ другую эволюціонно не переходятъ. Каждая изъ нихъ составляетъ лишь нѣкоторую подпочву для высшихъ слоевъ. Законы неорганической природы образуютъ подпочву для жизни органической, а эта послѣдняя въ свою очередь — для жизни животной. Въ сферѣ явленій обществности, органическая жизнь даетъ подпочву для жизни социальной, а эта послѣдняя для жизни Церковной. При этомъ законы низшаго слоя кое что уясняютъ намъ въ законахъ высшаго, такъ какъ не исчезаютъ въ нихъ совершенно, а только подчиняются новому высшему организаціонному принципу.

Должно однако настойчиво повторить, что эволюціоннаго перехода одной категоріи явленій въ другую не существуетъ. Эволюціонная идея, когда ее распространяютъ до такихъ предѣловъ, становится источникомъ чистыхъ фантазій, искажающихъ и точную науку и религіозную философію. Точная наука совершенно отбросила гипотезу о зарожденіи живого вещества изъ мертваго; пониманіе общества, какъ нѣкоторой органической особи, то же разрушено уже въ Соціологіи. Модное нынѣ оперковленіе социальной среды точно также должно быть признано стремленіемъ фантастическимъ.

VI.

Общество не есть ни организмъ, ни церковь, а явленіе совершенно особаго разряда. Соціальная жизнь составляетъ законъ существованія животнаго міра. „Совмѣстная жизнь, говоритъ Эспинасъ („Соціальная жизнь животныхъ“), не составляетъ случайнаго явленія, она повторяется не по прихоти или какому нибудь капризу то тамъ, то здѣсь, это не при-

виллегія лишь отдѣльныхъ зоологическихъ видовъ, а нормальный постоянный и всемірный фактъ. Соціальная среда составляетъ необходимое условіе сохраненія и обновленія жизни“.

Однако, въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ, необходимо различать совмѣстную жизнь, какъ законъ біологической и какъ законъ зоологической. Подробнѣе я разбиралъ этотъ вопросъ въ статьѣ „Общественность въ природѣ“ (журналъ „Дѣло“ за 1882 №№ 11 и 12, подъ псевдонимомъ И. Кольцова ¹⁾ изъ которой и беру теперь нѣкоторые факты и соображенія. Въ первое время развитія общественной науки соціологи и биологи были одинаково поражаемы сходствомъ явленій біологическихъ и соціальныхъ. Соединеніе клѣточекъ и органовъ, стройно соподчиненныхъ между собою, невольно напоминало строеніе общества и государства, и обратно — строеніе общества напоминало соціологу строеніе организма. Отсюда явилась въ Соціологіи органическая идея, наша общественность была поставлена въ разрядъ явленій біологическихъ, высшаго вида. Родилось соціально-философское представленіе о человѣчествѣ, какъ нѣкоторомъ бессмертномъ коллективномъ существѣ, въ которомъ личности — не болѣе какъ смѣняющіяся клѣточки одного организма. Это воображаемое коллективное существо — Человѣчество, было Огюстомъ Контомъ возведено даже въ санъ Божества, котораго религія еще и понынѣ не вполне исчезла.

Однако дальнѣйшіе успѣхи въ наблюденіи соціальныхъ явленій разрушили эти скороспѣлыя отождествленія, основанныя только на аналогіяхъ.

Прежде всего *общественность* никоимъ образомъ не можетъ быть поставлена въ связь съ воображаемой коллективностью *человѣчества*.

Коллективная жизнь свойственна всему животному міру, но она объединяетъ не всю совокупность животныхъ или хоть особей одного даннаго вида, а только нѣкоторыя оторванные части его, вошедшія въ общеніе между собою, и при этомъ даже обособившіяся отъ остальныхъ особей того же

¹⁾ Долженъ оговориться, что съ того времени мое міровоззрѣніе дополнилось многимъ, чего тогда въ немъ не было.

вида. Волки образуютъ семьи и стаи, но всѣ особи волковъ Земного Шара не составляютъ никакого коллективнаго „волчества“. Точно также и „человѣчества“, какъ нѣкотораго коллективнаго существа, не было и нѣтъ. Если бы даже всѣ люди Земного Шара соединились въ одно государство, то и это было бы все таки лишь всемирное общество, а не коллективное существо. И это не есть схоластическій споръ о терминахъ. Дѣло въ томъ что наука обнаруживаетъ коренное различіе между организмомъ и обществомъ, между коллективностью біологической и коллективностью социальной.

Эпинасъ, не умѣющій отдѣлаться вполне отъ застарѣлыхъ отождествленій, тѣмъ не менѣе прекрасно характеризуетъ эту коренную разницу.

„Въ обществѣ, говоритъ онъ, все принимаетъ новый обликъ: изъ нѣдръ организма (?) возникаетъ своеобразный міръ (т. е. общество) управляемый тѣми же (?) законами, но совершенно *отличный* отъ него, такъ какъ въ немъ идеи или представленія замѣняютъ роль очертаній и желанія замѣняютъ роль движеній“. „Общество, говоритъ онъ, создается *возниканіемъ*: общество есть живое сознаніе или организмъ *идей*“. Вотъ къ чему сводится дѣло. Эпинасъ уже долженъ, вмѣсто старыхъ отождествленій, формулировать, что „Соціологія развивается параллельно съ *Психологіей*, но подобно ей имѣетъ свои корни въ Біологіи, хотя и значительно отъ нея отличается“. Но если мы посмотримъ на вопросъ безъзастарѣлыхъ предвзятостей, то должны прямо сказать, что въ социальномъ мірѣ имѣемъ передъ собою совершенно особый слой явленій, не біологическаго разряда а *психологическаго*.

То сходство между организмомъ и обществомъ, которое столь поражало соціологовъ, зависитъ исключительно отъ того, что и въ организмѣ и обществѣ находятъ примѣненіе законы *кооперации*. Но этимъ все сходство и исчерпывается, ибо *особи*, входящія въ кооперацию, въ обонхъ случаяхъ совершенно различны, и потому самый характеръ ихъ кооперации представляетъ глубочайшія различія.

Въ общественности мы, поэтому, имѣемъ особенный слой явленій, который можетъ быть названъ *надъ-органическимъ* міромъ.

Съ точки зрѣнія чисто естественно-научной можно, въ общей схематической формулѣ, сказать, что въ организмѣ входятъ въ кооперацію простыя протоплазматическія клѣточки, а въ общественности—одни только нервныя центры. Различіе огромное, ибо оно означаетъ, что въ Біологіи происходитъ кооперація живого *вещества*, а въ Соціологіи—кооперація *личностей*,

Вещество, охваченное тѣмъ таинственнымъ процессомъ, которое мы называемъ живымъ состояніемъ, сливается въ клѣточки, которыя въ свою очередь при малѣйшемъ совмѣстномъ сближеніи сливаются между собою въ болѣе сложные агрегаты, и образуютъ *организмъ*. О клѣточкахъ мало сказать, что онѣ имѣютъ способность сливаться въ организмъ: онѣ прямо не способны удержаться отъ сліянія. Такъ, если нѣсколько штукъ *Circinalium conerescens*, находясь по близости, разрастаются до соприкосновенія—онѣ сливаются въ одно такъ называемое „колониальное животное“. *Manobiae confluentes*, начиная совмѣстно высасывать какую нибудь крупинку, соединяются своими лучами и тоже сливаются въ колонію, хотя могутъ иногда опять распадаться. Обыкновенныя губки въ молодости живутъ независимо, но потомъ, прикрѣпляясь въ одномъ мѣстѣ, немедленно начинаютъ сливаться, причемъ отдѣльная губочка, смотря по тому въ какое мѣсто скопленія случайно попала—становится то органомъ питанія, то органомъ пищеваренія, то извергательнымъ каналомъ. Вообще законъ простого живого вещества состоитъ въ сліяніи, результатомъ котораго является организмъ.

Но при коопераціи организмовъ этого сліянія уже нѣтъ. Здѣсь организующей силой впервые является нѣкоторая *личность*. Она при коопераціи не уничтожается, а остается сама собою. Въ біологіи связь имѣетъ характеръ органической и ведетъ къ созданію организма. Въ мірѣ животныхъ напротивъ существуетъ личность, находящая какъ бы свое сѣдалище въ организмѣ.

И вотъ социальныя явленія, социальная связь, происходятъ только въ мірѣ *животныхъ*, гдѣ есть *особь*, *личность*, причемъ вся связь держится не на почвѣ общихъ свойствъ животнаго вещества, а на почвѣ исключительно психологической, на почвѣ чувства, представленія и воли. Эти личности не только не сливаются, но не способны къ сліянію, ибо самая сущ-

ность ихъ состоитъ въ индивидуальности. Если бы особи слились, онѣ уничтожились бы. Организмы, въ отличіе отъ простаго живаго вещества, способны поддерживать свою жизнь только тогда, пока они отдѣльны, и сами завѣдуютъ отправленіями своихъ органовъ. Если бы мы вздумали превратить цѣлый организмъ только въ сердце, только въ легкія или мозгъ, вообще только въ особый органъ—этотъ организмъ немедленно погибнетъ. Поэтому коллективная социальная личность не только не существуетъ, но самая идея объ ней есть абсурдъ, логическая невозможность, сама въ себѣ заключающая вопіющее противорѣчіе.

VII.

Социальный порядокъ не производитъ коллективной особи, и его міровое значеніе состоитъ именно въ развитіи особи индивидуальной. Въ этомъ отношеніи общество имѣетъ для личности, для человѣка, огромнѣйшее значеніе.

Общественность есть орудіе выработки личности и это достигается примѣненіемъ коопераціи между именно *самостоятельными* личностями. Общественность есть законъ существованія, по такой законъ, который не внѣшне навязывается человѣку (какъ законы природы неорганической или даже законы нашей Физиологіи), а создается свойствами нашего собственнаго чувства, представленія и воли. Въ социальной средѣ человѣкъ чувствуетъ *самого себя* организационной силой коллективности.

Однако Божественнымъ творчествомъ въ свойствахъ личности заложено все, необходимое для того, чтобы тянуть насъ къ общественной жизни. Самое раздѣленіе половъ уже предопредѣляетъ появленіе семьи, и слабость ребенка погружаетъ его въ жизнь общественную, въ средѣ семьи. Привычка, зарожденная съ дѣтства, затѣмъ поддерживается потребностью въ обмѣнѣ впечатлѣній, составляющей основное психологическое свойство всякаго животнаго. Это свойство неудержимо влечетъ людей другъ къ другу, даже помимо всякихъ утилитарныхъ расчетовъ, а просто потому, что этотъ обмѣнъ даетъ каждой особи какъ бы усиленное ощущеніе своей жизни. Итакъ, само чувство жизни направляетъ къ общественности. Однако и разсудокъ влечетъ насъ къ тому же.

Широта потребностей и желаній самой неразвитой чело-

вѣческой личности превышаютъ силы ея къ ихъ удовлетворенію и это вноситъ въ *человѣческую* общественность чрезвычайную напряженность сознательнаго стремленія къ *кооперации*. Въ этомъ отношеніи лишь свойства человѣческой психологіи создаютъ социальную жизнь во всѣхъ ея могучихъ размѣрахъ, ибо, по бѣдности животной индивидуальности, зоологическая общественность остается лишь естественнымъ состояніемъ, а не сознательнымъ созданіемъ. У человѣка наоборотъ, общественность, къ которой онъ приходитъ чувствомъ, дѣлается тотчасъ созданіемъ преднамѣреннаго творчества, такъ какъ она немедленно обнаруживаетъ способность свою удесятерять силы личности общими свойствами кооперации, дающей возможность суммированія силы, раздѣленія труда и т. д. Въ этомъ отношеніи значеніе общества такъ велико, что конечно безъ него человѣкъ не могъ бы быть человѣкомъ. И это не потому, чтобы общество было „дополненной и расширенной личностью“, а потому что общество есть разностороннѣйшая система кооперации людей.

Она въ безконечной степени увеличиваетъ и утончаетъ силы личности, давая къ услугамъ каждаго силы всѣхъ другихъ и ихъ средства. Общественность создаетъ какъ бы систему зеркалъ, въ которыхъ знанія и опытъ каждаго открываются для другихъ, и систему рычаговъ, при которыхъ сила всей ассоціи дается въ распоряженіе каждой отдѣльной особи. Общество далѣе есть хранилище опыта, знаній и матеріальныхъ средствъ предшествующихъ поколѣній, благодаря чему вновь рождающаяся бессильная личность сразу вступаетъ въ даровое обладаніе средствами, о которыхъ не могла бы и мечтать при иныхъ условіяхъ. Общество наконецъ есть великая школа для выработки самостоятельности личности, въ цѣлой системѣ подчиненій и командованій.

Общество, въ результатѣ, высочайше вырабатываетъ въ человѣкѣ сознаніе своей силы и достоинства. Только въ социальной средѣ человѣкъ чувствуетъ себя господиномъ міра, высшимъ существомъ. Въ самыхъ рабскихъ обществахъ есть гордые аристократическіе слон, которыхъ идеалы личности становятся рано или поздно образчикомъ для остальной массы народа.

Но при всей благодѣтельности социальной среды для раз-

внѣтїя челоуѣка, она не представляетъ полнаго и идеальнаго помѣщенїя для него. Въ соціальнѣй жизни есть важная иллюзорная сторона: именно самоощущенїе челоуѣкомъ себя какъ высшаго господина міра. Это обманъ и ошибка, что особенно важно помнить съ религіозной точки зрѣнїя. Сверхъ того, общественность не создаетъ вполнѣ гармонической среды для существованїя личности, ибо люди, приблизительно равные между собой, не могутъ создать въ своемъ обществѣ организующаго начала съ безусловнымъ характеромъ. Все это зависитъ отъ того, что въ челоуѣкѣ есть духовный элементъ, но не самостоятельный, а связанный съ Богомъ. Тамъ гдѣ самъ челоуѣкъ является организующимъ элементомъ, онъ не можетъ поставить во главу угла своего строенїя духовный элементъ, зависящїй не отъ него, а отъ Бога. Но челоуѣческое строенїе выходитъ при этомъ неполнымъ, не исполнѣвающимъ личность всецѣло, и не даетъ ей удовлетворенїя. Полное исполнѣщенїе личности возможно лишь въ строѣ, гдѣ организующимъ элементомъ является Богъ.

Этимъ строемъ является церковь.

VIII.

Свое религіозное чувство, порождаемое духовнымъ элементомъ нашего существа, челоуѣкъ издавна старается какъ нибудь вводить и въ свой соціальнѣй-политическїй строй. Это особенно характеризуетъ языческія государства, причемъ обычно замѣчается, что теократическїй элементъ неблагоприятенъ для совершенства соціальнѣй-государственнаго строя, и сама религія при этомъ имѣетъ содержанїе весьма грубое.

Истинная религія—Христіанская—выдѣляетъ религіозную коллективность въ особнѣй строй—Церковь, которая не сливается съ соціальнымъ строемъ и является общественностью *надъ-соціальнѣй*.

Различїе между соціальнѣй-политической средой и церковнѣй весьма существенно. Организационное начало въ обществѣ—есть челоуѣческая личность, элементъ психологическїй. Организационнымъ элементомъ Церкви является Богъ, Личность Божественная, элементъ духовнѣй. Отсюда прежде всего разниця въ *цѣляхъ* строенїя. Въ первомъ случаѣ цѣли

опредѣляются человѣкомъ, во второмъ случаѣ—Богомъ. Въ обществѣ человѣкъ работаетъ на себя, въ Церкви является Божимъ домостроителемъ. Отсюда проистекаетъ разница и въ характерѣ организаціи. Но должно замѣтить, что—такъ какъ въ церковную жизнь входитъ все таки человѣкъ, со всѣми своими психологическими свойствами, то въ церковной жизни повторяются также социальныя законы коопераціи, взаимопомощи, совмѣстнаго дѣйствія. Эти законы, замѣтные еще въ мірѣ органическомъ, высоко развивающіеся въ мірѣ социальномъ, — въ Церковномъ строѣ поднимаются еще выше, становятся еще тоньше и глубже.

Мы безъ сомнѣнія должны видѣть въ столь глубокихъ корняхъ общественности прямую Волю Того, Кто создалъ міръ, и всякую душу живую, и духовно одареннаго человѣка. Достойно замѣчанія, что въ церковномъ строѣ человѣкъ принуждается къ коопераціи также самой природою своей, ибо не только наблюденіе, но положительное разъясненіе св. Писанія говоритъ намъ, что духовныя дары въ насъ *различны*, а между тѣмъ цѣлью святости поставлена полнота совершенства. Она оказывается такимъ образомъ недостижима иначе какъ совмѣстной духовной жизнью. Человѣкъ въ Церкви нуждается въ другихъ ея членахъ совершенно также, какъ гражданинъ общества не можетъ обойтись безъ другихъ своихъ согражданъ. Сверхъ того и сами цѣли домостроительства церковнаго охватываютъ весь міръ, такъ что членъ Церкви долженъ, въ силу самаго этого членства, помогать міровой миссіи Церкви. Наставленія въ этомъ смыслѣ наполняютъ писанія Апостоловъ и Отцовъ, съ объясненіями даже—почему и для чего мы должны быть въ тѣсномъ взаимодействіи, спастись вмѣстѣ, а не порознь.

Апостоль Павелъ хорошо объясняетъ это въ посланіи къ Коринѣянамъ (I-е, 12—14). „Дары, говоритъ онъ, различны, но духъ одинъ и тотъ же, и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же, и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ“. Апостоль объясняетъ, что безъ дара не остается никто. „Но каждому, говоритъ онъ, дается проявленіе Духа на пользу: одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ, иному въѣра, тѣмъ же Духомъ, иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ, иному чудотворенія, иному пророчество,

иному различіе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, *раздѣляя каждому особо*, какъ ему угодно. Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ“. При этомъ „не можетъ сказать глазъ рукъ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны“... Всѣ другъ въ другъ, стало быть нуждаются. Интересы членовъ тѣла Христова солидарны. „Страдаетъ ли одинъ членъ—страдаютъ съ нимъ всѣ члены, славится ли одинъ членъ—съ нимъ радуются всѣ члены (27). Поэтому: не нужно чтобъ являлось раздѣленіе, а нужно, чтобы всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ.

Эта необходимость солидарности и взаимопомощи—составляетъ положительный Божественный законъ не для какихъ либо матеріальныхъ интересовъ, а для жизни духовной, для ея полноты. „Вы Тѣло Христово, а порознь—члены“, повторяетъ Апостоль. Въ посланіи къ Ефесянамъ (4 гл. 15) требуется, чтобы мы „все возвращали въ Того, Который есть Христосъ, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупаемое посредствомъ *всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей* при дѣйствіи *въ свою мѣру* каждого члена“... Всѣ дѣйствуютъ, а достигаютъ лишь совмѣстно. Въ цитированномъ посланіи Коринѣянамъ Апостоль говоритъ, что „иныхъ Богъ поставилъ Апостолами, другихъ пророками, третьихъ учителями“, инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія“ и т. д. Эти дары даны не всѣ одному лицу сразу, а разнымъ и не одинаковые. „Всѣ ли Апостолы, всѣ ли пророки, всѣ ли учителя, всѣ ли чудотворцы, всѣ ли имѣютъ дары исцѣленій, всѣ ли говорятъ языками, всѣ ли истолкователи?“

Совершенно ясно, что всесторонней святости каждый человекъ не имѣетъ, по крайней мѣрѣ большую часть времени, въ теченіи котораго искалъ святости. Но при взаимопомощи каждый можетъ пользоваться плодами дара, имѣющагося у другого члена Церкви, почему и легче освящается самъ. „Служите, говоритъ Апостоль Петръ, другъ другу тѣмъ даромъ, какой получили, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Божіей“ (I. 10).

Ап. Павелъ описываетъ (Кор. I. 14—26), какъ христіане въ

церковныхъ собранійхъ должны практиковать это взаимослуженіе дарами, какіе у кого есть.

Такимъ образомъ участіе въ Церкви необходимо въ самихъ цѣляхъ личнаго совершенствованія каждаго. Въ нашей Догматикѣ это помнятъ гораздо больше, чѣмъ въ нашей практикѣ. Архіепископъ Филаретъ Черниговскій, изъясняя ученіе о Церкви, отмѣчаетъ, что христіане соединяются въ Церковь для достиженія той цѣли, которая есть „цѣль и ученія христіанскаго“. При этомъ, между прочимъ, „каждый долженъ служить другимъ по свойству и мѣрѣ даннаго ему духовнаго дара“ и „въ обществѣ Христа, при взаимномъ содѣйствіи членовъ, духъ ученія Христа можетъ раскрываться полнѣе, заблужденія и слабости предотвращаться должны удобнѣе, чѣмъ при дѣйствіи каждаго члена порознь“ (Догм. Бог. т. II, стр. 226—227).

Эта взаимопомощь въ духовной жизни составляетъ одинъ строй связи между членами Церкви. Но есть еще другая сторона дѣла, ихъ связывающая. Въ „цѣляхъ ученія христіанскаго“, о которыхъ говоритъ Архіепископъ Филаретъ, заключается всемірная задача высочайшей важности. Именно въ Церкви вырабатывается изъ среды рода человѣческаго Тѣло Христово, коего членами являются отдѣльныя личности. Цѣли этого Тѣла Христового (Церкви) опредѣляются Христомъ, а каждый отдѣльный членъ, если только онъ живъ, а не мертвъ, долженъ служить цѣлямъ Тѣла. Отсюда является обязанность дѣятельнаго участія во всемірно-исторической миссіи Церкви, безъ чего нельзя пребыть живымъ ея членомъ, и о чемъ мы такъ мало думаемъ, и такъ мало другъ друга научаемъ.

IX.

Основное различіе общества и Церкви, какъ сказано, состоитъ въ различіи между преобладающими *организационными элементами* ихъ. Церковная среда возвышается надъ человѣческой психологіей, вводя въ человѣческое общество, какъ господствующій элементъ, — Божественную личность. Отсюда проистекаетъ различіе въ характерѣ власти и взаимныхъ отношенійхъ членовъ цѣлаго.

Общество человѣческое лишь метафорически можно назвать организмомъ, и если оно составляетъ юридическую

личность, то никакъ не составляетъ коллективнаго существа, коллективной особи, а всегда остается чистой ассоціаціей отдѣльныхъ личностей, особей. Въ церкви, напротивъ, отдѣльныя личности представляютъ части одного Тѣла Христова. Въ ихъ коллективности обитаетъ Одна Личность—Христосъ. Уподобленіе Церкви тѣлу уже не есть метафора, а опредѣленіе факта, одинаково дѣлаемое всѣми Апостолами и Отцами. Личность отдѣльнаго человѣка не уничтожается въ Церкви, но быть со Христомъ *вполнѣ*—эта личность можетъ только находясь въ Церкви.

Апостоль Павелъ пишетъ Ефесянамъ, что Богъ „поставилъ Его (Спасителя) выше всего, главою Церкви, которая есть тѣло Его, *полнота Наполняющаго все во всемъ*“ (1. 22, 23). Сравнивая отношенія брачныя съ отношеніями Христа и Церкви, онъ говоритъ: „Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее“... Господь заботится о Церкви: „Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, *какъ и Господь Церковь*, потому что мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его... Тайна сія велика. Я говорю по отношенію ко Христу и Церкви“ (Ефес. I. 29, 30, 32). Это вселеніе Христа въ Церковь—великая тайна—придаетъ церковному обществу то, чего нѣтъ въ социальной средѣ, какъ бы характеръ коллективной особи. Удаленіе христіанина изъ Церкви расчленяетъ Христа. „Приказывай и убѣдительно внушай народу, говорятъ Постановленія Апостольскія (стр. 94, 95), чтобы прилежно ходилъ въ Церковь и... и отнюдь не оставлялъ собранія... чтобы никто удаленіемъ своимъ отъ нея не *увѣчилъ* Церкви, и не дѣлалъ тѣла Христова безъ члена... Не нерадите о себѣ, не отнимайте у Спасителя Его членовъ, не раздѣляйте членовъ Его тѣла, не расточайте Его членовъ“. Религіозная обособленность является такимъ образомъ тяжкимъ грѣхомъ противъ тѣла Христова. Владиміръ Соловьевъ въ этомъ отношеніи прекрасно формулируетъ духъ христіанства, говоря:

„Пока человѣкъ остается и утверждаетъ въ своей ограниченности и отдѣльности — въ немъ *нѣтъ Бога*. А чтобы выйти изъ этой ограниченности, онъ долженъ обратиться къ тому, что больше и выше чѣмъ онъ самъ. Это большее и высшее чѣмъ онъ самъ, человѣкъ находитъ въ Церкви“ (Дух. Осн. Жизни, о Церкви). „Въ сочетаніи человѣческой

личности съ церковью — человекъ исцѣляется, получаетъ истинно здравую жизнь, а церковь оплодотворяется, становится *дѣйствующею*“ (тамъ же). Но какъ ни сильна христіанская *обобщественность*, совершенно ошибочно думать, чтобы социальная среда могла быть слита съ церковью, какъ объ этомъ смутно мечталось В. Соловьеву въ его разсужденіяхъ о христіанизации общества и о „практической благодати“, получаемой невѣрующими для „улучшенія общественныхъ отношеній“, въ чемъ Соловьевъ видѣлъ какую-то подготовку къ наступленію Царствія Божія.

Социальная среда, какъ создана, такъ и остается со *своими* законами, качествами, и пожалуй со своей миссіей—остается она „міромъ симъ“, а не Царствомъ Божиимъ. Церковь какъ особый, новый строй жизни, потому и нужна, что законы социальной жизни не способны дать того, что даетъ Церковь.

Въ общей экономіи міровой жизни, социальный строй необходимъ потому, что органическая жизнь не способна дать развитой личности. Эта выработка развитой личности составляетъ задачу жизни социальной. Но въ свою очередь окончательная выработка личности — уже съ характеромъ духовнаго существа — требуетъ новаго строя, именно церковнаго, такого строя, гдѣ организующей личностью является Божество. Усиливаясь переломать Богомъ созданную природу и придать социальной средѣ функции духовныя, во первыхъ, невозможно, а во вторыхъ — практически производило бы лишь подрывъ среды церковной, нисколько не одухотворяя и социальной среды. Между социальной и Церковной средой существуетъ непреходимая грань—въ томъ, чему, по Божіей устроительной Волѣ, дано устройство той и другой среды.

Х.

Источникомъ распоряженія и власти въ социальной средѣ является *человѣкъ*. Конечно безъ Воли Божіей не дѣлается ничего не только въ обществѣ, но и въ мірѣ органическомъ и неорганическомъ. Но *непосредственное* распоряженіе обществомъ дано самому человѣку, и общество повсюду таково, какимъ его желаютъ имѣть люди. Условія и законы природы ставятъ человѣку множество препятствій въ его стремленіи

устроить свою социальную среду по своимъ желаніямъ. Но отступая передъ непобѣдимымъ, человѣкъ во всемъ, на что хватается Богомъ данныхъ ему силъ, устраиваетъ свою социальную жизнь, какъ хочетъ, по своей психологіи, по своему чувству, волѣ и разуму. Это даетъ, въ обществѣ, огромную практику самостоятельности человѣка. Но — то самое, что развиваетъ каждаго члена общества, не даетъ возможности создать среду идеально высокую, высокую настолько, насколько высока потенциально природа человѣческой личности.

Въ социальной средѣ дѣйствуетъ не одинъ человѣкъ, но вся совокупность людей, приблизительно равносильныхъ, и общій ходъ жизни складывается какъ нѣкоторая равнодѣйствующая этого множества составляющихъ силъ. Это дѣлаетъ социальную среду неизбежно очень, въ среднемъ, низкой сравнительно съ стремленіями лучшихъ ея людей. И это обстоятельство совершенно неизбежное, на вѣки неизбежное. Въ Церкви могутъ быть грѣшники, а сама Церковь при этомъ свята. Въ обществѣ—сколько бы ни являлось святыхъ, а само общество все таки будетъ грѣшнымъ.

Сверхъ того въ обществѣ нѣтъ и не можетъ быть незыблемо - торжествующаго общаго закона. Въ обществѣ нѣтъ *единой* личности, которая бы сливалась въ себѣ, въ качествѣ отдѣльныхъ частей, психологическія силы всѣхъ особей, давая имъ идеальный порядокъ соотношеній.

Идеальный порядокъ есть тамъ, гдѣ отдѣльныя части связаны между собой естественными отношеніями, вытекающими изъ самой природы ихъ, а потому неоспоримыми, неизмѣняемыми и для всѣхъ дающими *полное* удовлетвореніе: когда отдѣльная единица данной коллективности получаетъ *истинно* свое мѣсто—ей больше, дальше, нечего требовать. Такой идеальный порядокъ соотношеній мы видимъ, на примѣръ, въ мертвой природѣ, въ химическихъ процессахъ. Тамъ *законъ* соотношеній вполнѣ совпадаетъ съ сущностью реагирующей единицы. Вопросъ о правѣ или нарушеніи права здѣсь немыслимъ. Здѣсь царствуетъ чистая реальность, неизбежное соотношеніе силъ. Но такой порядокъ соотношеній возможенъ лишь тамъ, гдѣ единицы складываются около своего естественнаго центра, по условіямъ притяженія этого естественнаго центра.

Въ гражданскомъ обществѣ, въ отношеніяхъ міра сего, такого то естественнаго центра именно и нѣтъ. Природа личности человѣческой духовна въ главномъ своемъ элементѣ. Ея естественный, реальный центръ можетъ быть только въ Богѣ. Богъ—это единственная сила и власть, около которой люди могли бы группироваться естественно, безспорно, получая каждый *свое* мѣсто.

Но въ социальной средѣ, въ обществѣ—зоологическомъ и человѣческомъ—можетъ возникать лишь власть условная, договорная. Какъ ни устраивай, но люди по природѣ—равны. Хотя между ними и есть неравенство способностей, но это неравенство подвижно, перемѣнчиво. Иной былъ способнѣе прочихъ, а потомъ обезсилѣлъ, потерялъ преимущество. Иной способнѣе другихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но уступаетъ почти всѣмъ въ другихъ отношеніяхъ. Иной, по способностямъ предковъ, занялъ первое мѣсто, а потомъ среди „смердовъ“ вдругъ появляются геніи гораздо болѣе могущественные... Въ общей сложности власть совпадающую съ силой, въ социальной средѣ нельзя создать прочно. Ея комбинаціи мѣняются безпрерывно. Поэтому общественную власть приходится строить искусственно, и устанавливать общественную гармонию на этой искусственной власти, и на системѣ права. Но право—есть система договорная, то есть уже само по себѣ предполагаетъ людей способными создавать себѣ центры объединенія. Это стало быть не такіе центры, которые держатся собственной силой, а такіе, которые мы лишь условились признавать, по доброй волѣ, центрами объединенія. Но то что мы сами установили—мы сами можемъ и отмѣнить, даже ежесекундно. Поэтому единственное средство поддержать создаваемые нами центры, и наше право—составляетъ элементъ *принужденія*, насиліе, ибо само себя право не поддержитъ. Однако и принужденіе нельзя сдѣлать незыблемо прочнымъ, потому что желанія людей мѣняются. Люди, вчера бывшіе болѣе сильными и установившіе, для поддержанія общественной гармоніи, известную систему принужденія, сегодня оказываются ослабѣвшими, неспособными удержать порядокъ. На смѣну имъ идутъ другіе, которые хотятъ установить иное право, иную систему принужденія. Узнать же кто сильнѣе, кто долженъ уступить и покориться, нельзя не помѣрившись силами.

Поэтому борьба есть вѣчный удѣлъ этой юридической правовой системы порядка, характеризующей социальный строй.

Въ церкви напротивъ есть духовный центръ: Богъ. Группируясь около Него, люди естественно группируются и между собою, въ тѣхъ естественныхъ соотношеніяхъ, которыя зависятъ отъ ихъ духовнаго состоянія. Божественный центръ даетъ для нашего духовнаго элемента тотъ же стройный путь группировки, какъ напримѣръ химическое сродство даетъ для группировки элементовъ неорганическихъ. Тутъ *право* не только не нужно, но и невозможно, ибо все опредѣляется естественнымъ соотношеніемъ силъ, и если бы какое нибудь „право“ сказало бы что нибудь несогласное съ этой естественной группировкой, то это былъ бы пустой звукъ, безсильный и безплодный.

Такимъ образомъ только въ Церкви является гармонія коллективнаго существованія милліоновъ и милліардовъ личностей, связанныхъ въ ней между собою Богомъ, Котораго частицу заключаетъ каждая личность, и Который въ полнотѣ живетъ во всѣхъ нихъ вмѣстѣ. Тутъ нѣтъ, юридически, ни правъ, ни обязанностей, тутъ Духъ Господень, а потому и свобода. Но тутъ нѣтъ также и возможности личнаго произвола, ибо личность въ Церкви живетъ духовной природой, при которой воля личности сама собою совпадаетъ съ Волей Божіей, все въ Церкви устрояющей. Уклоненіе же воли личности отъ этого совпаденія есть, такъ сказать, самоизмѣна личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея выходъ изъ Церкви, изъ гармоническаго единства людей между собой и съ Богомъ. Такова сущность церковной коллективной жизни, такова церковная жизнь, когда она есть не поддѣлка и внѣшность, а дѣйствительная церковная жизнь. Соответственно съ этимъ образуется и весь церковный строй, его формы, его власть, его подчиненность, поскольку можно употреблять въ отношеніи церкви эти термины социального гражданскаго строя.

XI.

Совмѣстное церковное существованіе людей внѣшнимъ образомъ воздвигается на формахъ социального порядка, но существенный духовный элементъ церковности придаетъ всѣмъ этимъ формамъ совершенно иной характеръ. Въ из-

вѣстномъ трудѣ своемъ „О церковной власти“ проф. Н. Заозерскій прекрасно формулируетъ, что „соціальный порядокъ церкви *аналогиченъ* соціальному порядку государства, но и разнороденъ до противоположности“: „не по договору какому либо, не по субъективнымъ какимъ либо расположеніямъ и личному выбору членъ церкви обязывается оказывать вѣрность и послушаніе апостоламъ и ученикамъ Христа, но только въ силу ихъ посланничества“ (стр. 3—4). Но дѣло не въ одномъ характерѣ власти, а во всемъ строѣ.

Церковный строй весь расположенъ такъ, чтобы члены церкви были живыми членами тѣла Христова, ихъ взаимоотношеніе должно быть приспособлено къ возможно большому взаимному освященію, возможно большому служенію всѣхъ другъ другу своими духовными дарами, и чтобы во всей совокупности членовъ жила и непрерывно направляла всѣ дѣйствія этого тѣла именно Воля Христова. Всѣ члены церкви связаны между собою дарами и полномочіями, исходящими единственно отъ Христа, и единственно Ему принадлежащими. Строго говоря, въ юридическомъ смыслѣ, въ церкви нѣтъ начальства и власти, и всѣ другъ другу подчиняются въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны даромъ Христа. Нельзя не согласиться съ проф. Заозерскимъ въ томъ, что по существу церковная власть, будучи лишь исполненіемъ Воли Христа, есть служеніе, а не начальствованіе. Проф. Суворовъ, возражая проф. Заозерскому по этому поводу, совершаетъ ту ошибку, что хочетъ думать не *о существѣ* церковной власти, внутри самой церкви, а о проявленіяхъ церковной власти въ соприкосновеніи съ „міромъ“, съ соціальнымъ и государственнымъ строемъ. Власть церковная, по существу своему несомнѣнно, есть *служеніе*.

Это не уменьшаетъ церковную дисциплину, а только придаетъ ей характеръ нравственный, и сохраняетъ въ ней для вѣрующаго извѣстную обязанность разсужденія о томъ, несомнѣнно ли въ дѣйствіяхъ этой власти соблюденіе того служенія, изъ за котораго ей должно повиноваться.

Св. Игнатій Богоносець пишетъ Ефесянамъ (гл. 5): „Всякаго, кого посылаетъ домовладыка для управленія своимъ домомъ, намъ должно приниматьъ такъ же какъ самого пославаго. Поэтому ясно, что и на Епископа должно смотрѣть какъ на самого Господа“. „Старайтесь дѣлать все въ

единомыслии Божиємъ, пишетъ онъ магнезійцамъ, такъ какъ Епископъ предсѣдательствуетъ на мѣсто Бога, пресвитеры занимаютъ мѣсто собора Апостоловъ, и діаконамъ... ввѣрено служеніе Иисуса Христа“. Это же повторяетъ онъ Траллійцамъ и Смирнянамъ. Такія свидѣтельства одинаковы у Отцовъ. „Постановленія Апостольскія“, не будучи книгой канонической, являются однако первокласнымъ историческимъ свидѣтельствомъ тѣхъ отношеній, которыя господствовали въ древнѣйшей церкви. Вотъ какъ этотъ документъ характеризуетъ положеніе различныхъ членовъ церкви.

„Епископъ—стражъ для народа“. Епископъ, будучи головою, не долженъ внимать хвосту, то есть мірянину. Епископу надлежитъ „начальствовать надъ подчиненными“ (стр. 39). „Пастыря добраго мірянинъ долженъ чтить, любить, бояться какъ господина, какъ владыку, какъ первосвященника Божія, какъ учителя благочестія“. Епископъ также долженъ любить мірянъ (стр. 40), но все же онъ—власть, его обязаны слушать и клирики. Все что совершаетъ діакопъ „въ отношеніи кому либо“ — должно быть извѣстно Епископу. Безъ епископа онъ даже ничего никому не долженъ давать (61). „Почитайте ихъ начальниками и царями своими“ (63)...

Итакъ—власть, кажется, огромная. Но въ Церкви критерій всего есть Христосъ, а не люди, какъ бы ни было высоко поставлено ихъ видимое служеніе. Это придаетъ личности огромную самостоятельность, вмѣняемую въ обязанность. Тѣже „Постановленія“ гласятъ:

„Выслушайте Епископы, выслушайте и вы, міряне, какъ говоритъ Господь: разсужу между овчатемъ и овчатемъ и между овномъ и овномъ,.. Ибо и овцы и овны эти *разумные*, и не безсловесные, чтобы мірянинъ сказалъ когда нибудь: я овца, а не пастырь, я не обращалъ на себя никакого вниманія, посему пастырь увидитъ, онъ одинъ понесетъ за меня наказаніе... Ибо какъ овца, не идущая за хорошимъ пастыремъ, оставляется волкамъ на погубленіе, такъ и идущая за худымъ пастыремъ непременно умретъ. Посему *надобно бѣгать пастырей губителей*“. И далѣе: „Епископъ обьятыи невѣденіемъ или зломысліемъ—не есть уже Епископъ, но ложно носить это имя: не Богомъ избранъ, но людьми“ (стр. 251—252).

Итакъ членъ церкви постоянно все провѣряетъ Христомъ. Онъ остается разумною, а не безсловесною овцой. Сверхъ того какъ бы ни былъ онъ малъ — онъ все таки есть носитель какого нибудь дара, какой нибудь силы Христовой, и зачѣмъ нибудь нуженъ для другихъ, хотя бы и болѣе сильныхъ.

Объ этомъ одареніи всѣхъ мы выше видѣли разъясненія Апостола Павла, который говоритъ даже, что немощнѣйшіе члены тѣла пользуются особой заботой. А вотъ характеристическое мѣсто „Постановленій Апостольскихъ“:

„Никто изъ васъ да не превозносится передъ братомъ, хотя бы былъ пророкомъ или чудотворцемъ... Ибо быть благочестивымъ зависитъ отъ благомыслія каждаго, а творить чудеса отъ силы Того, къмъ дѣйствуются они“... „Равно и Епископъ да не превозносится передъ діаконами или пресвитерами, ни пресвитеры передъ народомъ, потому что *собраніе составляется изъ тѣхъ и другихъ*. Ибо Епископы и пресвитеры суть священники въ отношеніи къ нѣкоторымъ, а міряне суть міряне въ отношеніи къ нѣкоторымъ“ (стр. 250—251).

„Собраніе составляется изъ тѣхъ и другихъ“: вотъ характеристическое напоминаніе, что Христосъ—въ коллективности, въ совмѣстной жизни, тотъ Христосъ, отъ Котораго одинаго всѣ дары, вся власть, все управление въ церкви.

ХІІ.

Если мы разсматриваемъ не случайныя историческія формы, не осуществляющія, а искажающія норму церковности,—если мы взглянемъ на самый идеалъ, на то, что должно быть въ церкви, то мы увидимъ, что весь церковный строй приспособленъ къ созданію полнаго единства всей массы вѣрующихъ, отъ высшихъ и сильнѣйшихъ до самыхъ скромныхъ и слабѣйшихъ членовъ церкви.

Сознаніе того, что лишь въ цѣлой церкви пребываетъ *полнота* Христа, выразилось въ томъ, что вся жизнь, вся дѣятельность церкви совершалась въ тѣснѣйшей совмѣстности всѣхъ членовъ.

Никто не называть ничего своимъ въ имущественныхъ отношеніяхъ Апостольской Іерусалимской церкви, но никто

не называлъ ничего своимъ и въ духовномъ или управительномъ отношеніяхъ. Такъ какъ власть принадлежитъ только Христу, а Христосъ дѣйствуетъ въ цѣлостной церкви, то *соборное* начало проникаетъ церковный строй. При этомъ должно помнить, что идея соборности не состоитъ въ преобладаніи большинства, а въ полномъ единогласіи всѣхъ. Практично это или нѣтъ въ смыслѣ гражданскихъ „конституцій“—но церковная идея именно такова. Проф. Н. Заозерскій, въ своей недавней статьѣ по поводу моей брошюры „Запросы времени и наше церковное управление“, прекрасно показалъ, что идея Собора — требуетъ совокупности не только всѣхъ Епископовъ, но вообще всѣхъ членовъ церкви. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Должно оговориться только, что христіанство — вообще не въ формѣ, а въ духѣ. Собраніе даже небольшого числа лицъ можетъ выразить чувство, мысль и желаніе всѣхъ, если только выразитъ Волю Христа, пребывающаго въ церкви, и вся совокупность членовъ, не бывши физически на соборѣ, признаетъ рѣшеніе какъ бы свое собственное и искренно повторить вслѣдъ за бывшими на соборѣ „Изволися Духу Святому и намъ“...

Дѣло не въ матеріальной формѣ, а въ самой идеѣ, въ самомъ духѣ, который требуетъ полной совмѣстности *всѣхъ* членовъ церкви. Апостолы, получившіе власть отъ самаго Христа, все однако совершали соборно. Внимая не себѣ и не людямъ, а Духу Святому, они иногда совершенно лично рѣшались на весьма необыкновенныя дѣла, но эти дѣянія становились немедленно достояніемъ всей церкви. Такъ Ап. Петръ самостоятельно крестилъ Корнелія и другихъ язычниковъ, и это на минуту произвело даже нѣкоторый соблазнъ, но за симъ, выслушавъ Апостола, христіане „успокоились и прославили Бога“.

Итакъ сущность соборности не во внѣшней формѣ собранія, а во внутреннемъ единеніи общей мысли и воли. Но обыкновенно потребность единенія естественно приводила къ общимъ собраніямъ и рѣшеніямъ. Она же выразилась въ *избраніи* лицъ священнаго сана.

Въ „Дѣяніяхъ“ неясно, кѣмъ произведено избраніе Апостола Маттея на мѣсто Иуды Искариотскаго. Но Апостоль Петръ говорилъ при этомъ предъ цѣлымъ собраніемъ изъ

120 человекъ. Что касается новаго учрежденія діаконовъ, то оно произведено чисто соборнымъ порядкомъ.

„Тогда 12 Апостоловъ, пишутъ Дѣянїя (6, 2), созвавши множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ оставивши слово Божіе пещись о столахъ. Итакъ, братіе, выберите изъ среды себя семь человекъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости: ихъ поставимъ на эту службу. А мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служенїи слова. И угодно было это предложеніе всему собранію, и избрали (слѣдуютъ имена). Ихъ поставили предъ апостолами и сїи помолившись, возложили на нихъ руки“.

Первый апостольскій соборъ постановилъ рѣшеніе отъ имени всей братїи. „Тогда апостолы и пресвитеры со всею Церковью, говорятъ Дѣянїя (15, 22—28), разсудили, избравши изъ среды себя мужей, послать ихъ въ Антиохію... написавши и вручивши имъ слѣдующее: Апостолы и пресвитеры и братїя... собравшись единодушно разсудили“... Далѣе слѣдуетъ рѣшеніе съ обычной формулой „Угодно Св. Духу и намъ“.

Подъ словомъ „намъ“ разумѣются, очевидно, такъ же и братїя бывшія на соборѣ.

Избраніе епископовъ народомъ составляло въ древности общее правило. Въ „Постановленїяхъ Апостольскихъ“ сохранилось даже подробное описаніе этихъ избранїй.

Въ епископы рукополагать, сказано тамъ (стр. 254), того кто безпороченъ во всемъ, *избранъ всѣмъ народомъ*, какъ наилучшїй. Когда его наименуютъ и одобряютъ, то народъ, собравшись въ день Господень, съ пресвитерствомъ и наличными епископами пусть дастъ согласіе. Старѣйшїй же прочихъ пусть спроситъ пресвитерство и народъ, тотъ ли это, кого они просятъ въ начальники, и когда они отвѣтятъ утвердительно, то снова пусть спроситъ, всѣ ли свидѣлствуютъ, что онъ достоинъ сего великаго и знатнаго начальствованїя... Когда всѣ вмѣстѣ засвидѣлствуютъ, что онъ таковъ, то опять въ третїй разъ да будутъ спрошены, во истину ли достоинъ онъ священнослужительства, и когда въ третїй разъ подтвердятъ, то отъ всѣхъ пусть потребуютъ знака согласїя. Нѣтъ надобности впрочемъ останавливаться долго на фактѣ избранїя Епископовъ, ибо онъ несомнѣненъ. По Зонарѣ самое слово—хиротонїя—получило свое начало отъ этихъ избранїй, при которыхъ народъ въ знакъ согла-

‘сія подымать руки. Но смыслъ этихъ избраній не въ томъ, чтобы представить „общественную волю“, а въ сохраненіи полной совмѣстности, духовной слитности вѣрующихъ. Оставаясь разумными, а не безсловесными овцами, міряне подчиняются Христу, а не людямъ. Точно также и епископъ подчиняется Христу, а не общественной волѣ. Этотъ духъ проявляется и въ фактъ избранія Епископовъ, и въ почти безграничной ихъ власти надъ народомъ и клиромъ, которые однако при этомъ обязаны охранять Волю Христа, живущаго во всей совокупности вѣрующихъ, а не въ одномъ священствѣ. При всѣхъ измѣненіяхъ управительнаго строя въ церкви, мы, православные, доселѣ помнимъ это. Посланіе Восточныхъ Патріарховъ и въ новѣйшее время указываетъ Римско-католикамъ, что „у насъ ни Патріархи, ни Соборы никогда не могли ввести что либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло церкви, то есть самый народъ“ (Пар. 17).

ХІІІ.

Выше я вспоминалъ, что для многихъ нынѣ сталъ неясенъ вопросъ, что значить жить въ Церкви и особенно что значить жить для Церкви... Отъ этого только коллективная социальная жизнь стала способна затирать церковную. Въ дѣйствительности—жизнь церковная есть высшая коллективная, истинно человѣческая жизнь, гармонизируемая и направляемая самимъ Богомъ. Жить въ Церкви—значить жить всей полнотою этой коллективности, наполняемой Божественнымъ духомъ. Жить для Церкви—это значить вести въ мѣру данныхъ силъ всю міровую работу этой Божественно - человѣческой коллективности. Ничего нѣтъ выше и отраднѣе, ничего нѣтъ и не можетъ быть для человѣка болѣе всепоглащающаго, и тѣ которые жили или живутъ этой церковной жизнью—не могутъ быть уже ничѣмъ отъ нея отторгнуты.

У насъ нынѣ есть довольно распространенное мнѣніе, будто бы истинная религіозная жизнь требуетъ отдаленія отъ людей, чтобы пребывать съ однимъ Богомъ. Но условія религіозной жизни, условія при которыхъ мы можемъ жить съ Богомъ, не могутъ быть измышляемы нами самовольно. А Богъ самъ указалъ, что способъ быть съ Нимъ — это быть

въ Церкви. Значить—намъ тутъ нечего измышлять свои особые пути къ Богу. Понятно, что мы для того созданы, чтобы поискать и найти Бога. Понятно, что такое исканіе, въ первой стадіи своей, есть дѣло единоличное, и что Богъ отвѣчаетъ на исканіе, выходитъ на встрѣчу ищущему, открываетъ Себя ему. Это путь непосредственнаго Богопознанія, при которомъ человѣкъ долженъ уединиться въ нѣкоторое молитвенное состояніе. Та же личная молитва составляетъ и для нашего Бога—необходимое условіе поддержанія религіозной съ Нимъ связи. Но это личное общеніе съ Богомъ никакъ не исчерпываетъ религіозной жизни, ибо Самъ Господь направляетъ неофита въ Церковь Свою, указываетъ ему мѣсто въ Своемъ Тѣлѣ, гдѣ онъ освящается, а также становится участникомъ Божественнаго дѣла въ родѣ человѣческомъ... и даже болѣе, ибо есть указанія, что дѣло церкви связано и съ борьбою небесныхъ и пренеподобныхъ духовныхъ силъ. Не участвуя въ этой церковной жизни—положительно невозможно жить съ Богомъ.

Ошибочно было бы вспоминать монаховъ и святыхъ пустынниковъ въ оправданіе стремленія къ религіозной изолированности. Святые отшельники, пустынники, столпники и т. д. уходили не отъ Церкви, а отъ міра сего, отъ социальной среды, какъ таковой. На это были и имѣются весьма законныя причины въ исторіи самой же Церкви.

Царствіе Божіе, принесенное церковью, стало, мало по малу, охватывать, подобно неводу, весь міръ, забирая и добрую и негодную рыбу. Жившая первое время замкнуто въ своей собственной средѣ, Церковь, судьбами Божія Промысла о спасеніи всего, къ спасенію способнаго, стала жить въ „мірѣ“. Позволительно вспомнить слова Апокалипсиса: „живешь тамъ, гдѣ престоль Сатаны“.... Мірскіе элементы со всѣхъ сторонъ прихлынули къ Церкви, и это множество сорныхъ травъ оставлены Господомъ расти среди пшеницы до суднаго дня.

Въ эти то времена, когда неводъ Божій сталъ охватывать весь міръ, развивается пустынночество. Монахи удалялись изъ міра, охватывающаго Церковь, точно также какъ она охватывала міръ. Но пустынники стремились жить именно въ церкви, въ своемъ церковномъ уголкѣ, откуда жестокія условія суровыхъ лишеній изгоняли всѣ мірскія сорныя травы. Это было не удаленіе отъ Церкви, а напротивъ стремленіе

возсоздать первобытную христіанскую церковную общину, вести совмѣстную во Христвъ жизнь, которая и есть церковная жизнь. И кто же больше спасался „вмѣств“, во взаимопомощи духовныхъ даровъ, чѣмъ эти пустынники, постоянно служившіе и другъ другу и приходящимъ — обмѣномъ даровъ духовныхъ? Если они удалялись иногда въ полное уединеніе, то это—молитвенное уединеніе, которое бывало и у Спасителя, но святые пустынники и при этомъ никогда не порывали связи съ церковью, а скорѣе доводили связь съ нею до высшей степени въ своемъ принципѣ „послушанія“. Не должно сверхъ того забывать, что у святыхъ, достигшихъ высшихъ духовныхъ даровъ и живущихъ почти не въ тѣлѣ, способы общенія съ коллективностью христіанской Церкви имѣютъ нерѣдко таинственный характеръ, и будучи незримы для большинства, на дѣлѣ еще болѣе глубоки и могущественны нежели наши обычные способы взаимобщенія. Объ этомъ въ „Житіяхъ“ мы имѣемъ множество рассказовъ.

Какъ бы то ни было, ни одинъ изъ пустынниковъ не призналъ бы себя находящимся внѣ церковнаго общенія, и каждый изъ нихъ счелъ бы себя погибшимъ, если бы замѣтилъ себя въ такомъ положеніи. Въ смыслѣ же служенія Церкви, воинствующей въ мірѣ, именно монахи и пустынники сдѣлали больше всѣхъ, являя въ себѣ образчики высокой духовной жизни, и давая находящимся „въ міру“ помощь духовныхъ даровъ, которые подчасъ такъ трудно находить на нашемъ мірскомъ полѣ, заросшемъ плевелами.

Монашество, вообще, никакъ не служитъ примѣромъ религіозной изолированности и индивидуализма. Эта болѣзнь, наоборотъ, свирѣпствуетъ среди живущихъ въ мірѣ, не столько въ Церкви, какъ при своемъ приходскомъ храмѣ, и кое какъ исполняющихъ формальный „долгъ христіанина“, какъ это принято выражаться. Ужь одно это выраженіе показываетъ, до какой сухости доведена эта „религіозная“ жизнь... Да и нужно ли объяснять, какъ мы, въ міру живущіе, чувствуемъ себя одинокими, оскудѣвающими въ способахъ „вмѣствъ спасаться“, если сравниваемъ себя и свое положеніе съ монашеской жизнью? Отъ этой одинокости происходитъ и религіозный индивидуализмъ со всѣми его послѣдствіями. Среди мірянъ, внѣшне не отпадающихъ отъ

Церкви, постоянно можно видѣть „личныя мнѣнія“, доходящія до полной еретичности, не сознаваемой даже, а ужь что касается до нравственной жизни, то ее нынче устраиваютъ до такой степени автономно, что теряются всякіе общепризнанныя основы морали.

XIV.

Огромное, можно сказать, всеопредѣляющее значеніе, которое для личной религіозной жизни имѣетъ церковная коллективная жизнь, дѣлаетъ въ высшей степени важнымъ вопросъ о церковномъ строѣ. Церковный строй имѣетъ своей задачей достигнуть того, чтобы каждая личность могла сколько нибудь дѣйствительно пребывать членомъ Тѣла Христова. О правильности этого условія нашей религіозной жизни мы весьма мало заботимся, а между тѣмъ оно, въ наше время, имѣетъ для насъ даже въ цѣляхъ личной религіозной жизни гораздо больше значенія, нежели въ тѣ времена, когда среди ищущихъ спасенія жили непосредственные ученики Апостоловъ.

Сохраненіе правильности церковнаго строя для члена церкви несравненно болѣе обязательно, нежели сохраненіе правильнаго политическо-соціального строя для гражданина мірскаго государства. Граждане, изъ благоразумія и пониманія своихъ интересовъ не должны допускать подрыва нѣкоторыхъ общихъ основъ, явно требуемыхъ законами человѣческой психологіи. Но во всѣхъ вторичныхъ построеніяхъ общественности и государственности граждане совершенно свободны въ выборѣ. Они строятъ сами и для себя, слѣдовательно властны дѣйствовать по своему вкусу и соображенію. Никто не можетъ отрицать ихъ права воздвигать свое общество такъ, какъ имъ, хотя бы и ошибочно, кажется болѣе удобнымъ. Не таково положеніе члена Церкви въ отношеніи своего церковнаго строя, который опредѣленъ Волей Божіей въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы коллетивность людей стала живымъ Тѣломъ и обиталищемъ Спасителя. Это обиталище должно быть таково, какое угодно имѣть Спасителю. Мы можемъ выйти изъ Церкви, можемъ отказаться служить Спасителю, какъ обиталище Его. Вольно каждому быть съ Богомъ или

безъ Бога. Но ужь если мы желаемъ быть живымъ храмомъ Божиимъ, то должны имѣть между собою именно такія отношенія, такой коллективный строй, какого требуетъ Господь.

Здѣсь наша воля непременно должна быть въ полной гармоніи съ Волею Божественной, и если бы этого не было, то наша церковь самымъ фактомъ расхожденія съ Богомъ—переставала бы быть церковью.

Эта вселенская, Апостольско-Соборная незыблемость церковнаго строя является необходимымъ условіемъ личной религіозной жизни. Искаженіе этого строя создаетъ практику жизни, противную истинной вѣрѣ, и постепенно пролагаетъ дорогу и къ искаженію догмата. Да и спасающее значеніе догмата вполнѣ зависитъ отъ того, живемъ ли мы и дѣйствуемъ согласно содержанію его формулы.

Невозможно представить, чтобы личность находилась дѣйствительно въ связи съ Богомъ, если она стала небрежно относиться къ церкви или высококомѣрно полагаетъ, что для нея церковь не нужна. Точно такое же высококомѣріе проявлялось бы въ выборѣ личностью какихъ либо отдѣльныхъ сторонъ церковности, и отверженіи другихъ. Сказать себѣ: мнѣ нужно жить въ церкви, потому что она меня приобщаетъ къ таинствамъ, но управленіе ея мнѣ не нужно—это означало бы, что у разсуждающаго такъ совершенно исчезло понятіе о церкви какъ живомъ Тѣлѣ Христа. Точно также нельзя сказать себѣ: управленіе церковное нужно и должно быть разумнымъ, но мы можемъ сами себѣ придумать формы его не хуже чѣмъ придумала древняя церковь. Это во всякомъ случаѣ составляло бы разрывъ съ древней церковью, съ Соборами, Апостолами, то есть — выходъ изъ Вселенской Церкви.

Сверхъ того мы и не можемъ придумать ничего лучшаго. Установить формы такой тонкой организаціи, приспособить общіе законы соціальной жизни къ задачамъ жизни духовной — создать этого люди сами по себѣ не могли бы. Это построеніе, проникнутое элементомъ чудотворнаго, таинственнаго, сдѣлано и могло быть сдѣлано только Богомъ. Намъ, людямъ, невозможно отваживаться перестраивать дѣло Духа Святого. Хранить это построеніе—это для члена церкви не есть какое нибудь внѣшнее юридическое обязательство, подобное соблюденію „конституціи“, разъ она установлена. Нѣтъ,

это есть сохраненіе необходимыхъ нормъ коллективно-религіозной жизни, оставить которыя значить покинуть самую жизнь.

Каждый христіанинъ находитъ себѣ въ вѣчныхъ основахъ церковно-созданнаго строя, на каждой стадіи своего духовнаго развитія, наилучшія условія для успѣха, наиболѣе помощи своей духовной жизни. Съ другой стороны онъ, какъ бы ни былъ духовно бѣденъ, все таки что нибудь внести въ церковь. Онъ въ церкви не рабъ передъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ Христа. Церковная организація именно и создана для поддержанія такого единства людей, которое требуется духовной жизнью, гдѣ человекъ, никогда не выходя изъ Божественной дисциплины, всегда однако остается самостоятельнымъ и сознательнымъ существомъ. Ничего подобнаго люди сами по себѣ не могли бы создать, потому что только благодаря присутствію Христа въ этой коллективности она становится не мечтой, а дѣйствительностью. Если мы попробовали бы создать нѣчто подобное, но безъ реального присутствія Христа, мы получили бы строй либо анархическій либо деспотическій, не выдерживающій сравненія даже съ нашимъ социальнымъ строемъ.

Но это непремѣнное присутствіе Божественнаго элемента ограничиваетъ измѣненія церковнаго строя лишь незначительными приспособленіями къ историческимъ или національнымъ особенностямъ. По существу же этотъ строй приспособленъ Всевѣдущей Волей къ законамъ психологическимъ и социальнымъ, которые вѣчны, такъ что и установленное съ начала Церкви приспособленіе къ нимъ навсегда останется одно и тоже.

Мѣнять мы тутъ ничего не можемъ.

XV.

Въ строй церковномъ можно различить двѣ разнородныя, но одинаково необходимыя стороны.

Одна, такъ сказать, внутренняя, необходима для того, чтобы всѣ члены церкви совмѣстно совершали спасеніе, и чтобы каждый изъ нихъ былъ живымъ членомъ Тѣла Господня. Сюда относится все, опредѣляющее священную іерархію, полученіе нами таинственной благодати и поддержаніе

нашего состоянія совмѣстнаго спасенія, какъ живыхъ, осмысленныхъ, а не безсловесныхъ овецъ стада Христова: короче вся внутренняя коллективная жизнь церковнаго общества.

Другая сторона церковнаго строя относится къ обезпеченію положенія Церкви въ мірѣ, въ строѣ социальномъ. Если бы случилось, что чисто человѣческое социальное строеніе, въ которомъ человѣкъ поставленъ господиномъ, возобладало надъ Церковью, въ которой Господиномъ можетъ быть лишь Христосъ, то мы бы имѣли уже не Церковь, а только трупъ ея, одолѣнный „вратами Адовыми“.

Первая сторона церковности ставитъ задачи духовно-нравственныя. Вторая порождаетъ церковное право.

Какъ я оговаривался выше, церковное коллективное существованіе наше совершается не на правовой, не на юридической почвѣ. Въ дѣлѣ жизни духовной, Божественной—элементъ права не существуетъ: здѣсь соотношенія естественныя, а не условенныя. Но церковь живетъ „въ міру“. Мы въ настоящее время составляемъ не общество святыхъ, а только стремящихся къ святости. Все что достигло духовной жизни живетъ не правомъ, а естественными отношеніями своими къ Богу и между собой. Но огромное количество людей, желающихъ спасенія и ждущихъ его отъ церкви, не способны жить иначе какъ подзаконно, пужаются въ законъ, чтобы черезъ него прійти ко Христу. Въ личномъ развитіи человѣка это тотъ фазисъ развитія, который составлялъ достояніе Евреевъ время Ветхаго Завета. Это привноситъ въ церковную жизнь элементъ юридическій, какъ побочный, но неустранимый.

Сверхъ того церковь живетъ въ средѣ социальной, основанной на правѣ, и иначе не способной существовать. Отсюда необходимость церковнаго права. Оно имѣетъ своимъ назначеніемъ регулировать отношенія міра къ церкви, установить такое отношеніе социальныхъ и государственныхъ правъ къ Церкви, чтобы весь этотъ мірской правовой элементъ не препятствовалъ жизни и работѣ Церкви. Церковное право—это формулировка того, что общество гражданское обязуется не нарушать въ отношеніи Церкви и что должны поддерживать сами члены Церкви въ отношеніи гражданскаго общества, чтобы не допускать послѣднее ставитъ помѣхи духовной работѣ Церкви.

Каноническое право выработано по преимуществу съ тѣхъ временъ, когда *Corpus Christianorum* былъ признанъ государствомъ имѣющимъ право на существованіе. Основы этого права имѣютъ тотъ же Божественно-ненарушаемый характеръ, какъ и вообще строй Церкви.

И нельзя не сказать, что ни древнее Римское, ни современное конституціонное право не достигаютъ и подобія столь изумительнаго сочетанія авторитета и свободы. Соборное каноническое право гармонически сочетаетъ всѣ принципы власти, поражаемая социальными законами, подъ общей гегемоніей Божественной власти, достигая этимъ цѣли—сохранить свободу духовной жизни церкви даже при самомъ тѣсномъ сожителствѣ съ гражданскимъ обществомъ. Очевидно, что поддержаніе незыблемости этого правового элемента, необходимаго для совершенія церковной мисси въ исторіи смѣняющихся человѣческихъ обществъ — составляетъ также одну изъ важныхъ заботъ каждаго члена церкви, если онъ живъ, а не мертвъ.

XVI.

Мы говорили до сихъ поръ о *строѣ*, который даетъ каждой личности то или иное мѣсто въ церковномъ организмѣ. Для каждой личности, въ интересахъ собственной религіозной жизни, необходимо поддерживать это строеніе, не допускать церковнаго организма до разрушенія, съ которымъ разрушается и ея собственная религіозная жизнь. Но этотъ церковный организмъ живетъ не только въ формѣ внутренняго взаимообщенія и взаимодействія этихъ малыхъ „кѣлочекъ“ своихъ—людей. Церковь, Тѣло Христово, имѣетъ міровыя задачи, участіе въ которыхъ неизбежно для всѣхъ, кто не уходитъ изъ этого великаго Тѣла, не отрывается отъ него въ его движеніи черезъ столѣтія и тысячелѣтія историческаго шествія Церкви среди народовъ и государствъ человѣческаго рода.

Религіозная жизнь личности имѣетъ цѣлью участіе въ Царствіи Божіемъ. Но міровыя цѣли Церкви состоятъ именно въ приготовленіи мѣста для Царствія Божія, которое открывается для нѣкоторыхъ теперь же, а къ концу вѣковъ должно открыться для всѣхъ, призванныхъ къ спа-

сенію, и новой землей и новыми небесами смѣнить нынѣшній міръ.

Эта цѣль осуществляется каждымъ отчасти уже въ процессѣ своей личной выработки. Но Церковь осуществляет ее также въ историческомъ процессѣ, охватывая неведомъ Царствія Божія всѣ народы и эпохи, чтобы выбрать всю „добрую рыбу“, какая въ человѣчествѣ была, есть и еще должна явиться. Ничто, годное къ спасенію не должно быть опущено, всѣмъ народамъ должно быть проповѣдано Евангеліе Царствія, всѣмъ должны быть доставлены тѣ средства спасенія, какими располагаетъ Церковь, отъ всѣхъ должны быть отстранены препятствія къ слышанію проповѣди и къ пользованію духовной жизнью. Этотъ огромный историческій трудъ созиданія вселенскаго Тѣла Христова изъ людей всѣхъ племенъ и временъ совершается въ непрерывной борьбѣ съ противудѣйствіемъ злыхъ силъ, съ „тайной беззаконія“, замысленной для разрушенія дѣла Божія Промысла, и которая, какъ положительно предупреждаетъ Откровеніе, будетъ имѣть огромные успѣхи, а побѣждена будетъ только вторымъ пришествіемъ Спасителя, въ минуту кажущагося полнаго торжества зла и страшнаго разгрома истины.

Къ этой непрерывной борьбѣ со зломъ, стремящимся сохрानить власть надъ міромъ, всѣ христіане призываются какъ „Божіи домостроители“, какъ „добрые воины Христовы“. Въ этой миссіи Церкви, каждая личность по мѣрѣ силъ, должна принимать участіе. Трудно вычислить, какой огромной силы напряженія ума, чувства, любви къ Христу, и къ людямъ, и ненависти къ Началу Зла—требуетъ отъ христіанъ участіе въ исторической миссіи Церкви. Довольно уже указать на всемірную проповѣдь и приобщеніе всѣхъ народовъ къ Церкви. Но сверхъ того—для борьбы за дѣло Божіе требуется внимательно слѣдить за ходомъ міровой исторіи, чтобы подмѣчать въ ней дѣйствія „тайны беззаконія“, и мѣшать ея успѣхамъ. Какъ ученики Христа, такъ и первыя Христіанскія общины имѣли величайшее вниманіе къ ходу великой борьбы. И хотя намъ не дано знать временъ и сроковъ, чтобы мы были каждый часъ готовы встрѣтить Христа, однако же Откровеніе въ пророческихъ образахъ Апокалипсиса указало въ общихъ чертахъ весь ходъ будущей исторіи Церкви.

Цѣль этихъ откровеній, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы событія не заставляли христіанъ неподготовленными, ибо и созиданіе Тѣла Христова въ разныя эпохи, при различныхъ условіяхъ, по необходимости должно сообразоваться съ угрожающими опасностями и съ условіями наибольшаго успѣха. Въ прежнія времена христіане и вникали весьма внимательно въ эти пророчества. Достоинъ замѣчанія при этомъ, что толкованія Отцами Апокалипсиса носило историческій характеръ въ отношеніи первыхъ его частей, то есть въ отношеніи эпохъ, уже наступившихъ тогда. Но мы уже цѣлое тысячелѣтіе, съ тѣхъ поръ прошедшее, оставляемъ исторію безъ сознательнаго уясненія съ этой точки зрѣнія: говорю не о протестантахъ, конечно, а о православныхъ...

Но и помимо пророческихъ указаній, нашъ человѣческій разумъ, наблюденіе, изученіе исторіи, тѣхъ или иныхъ появляющихся доктринъ и т. д. указываютъ намъ въ каждую эпоху и въ каждомъ положеніи — куда направлять усилія, отъ чего защищаться, на что нападать въ интересахъ нашего дѣла. Тутъ очевидно открывается огромный трудъ для христіанской мысли, науки и пракческаго дѣйствія. И все это—есть служеніе Церкви, исполненіе нашихъ обязанностей, какъ членовъ Тѣла Христова. Не одно богослуженіе въ храмѣ есть служеніе Богу.

Покойный В. Соловьевъ конечно ошибался, говоря о „практической благодати“, поскольку это касается невѣрующихъ въ дѣлѣ созданія разныхъ культурныхъ улучшеній человѣколюбиваго характера, разныхъ улучшеній жизни общественной... Но что касается *вѣрующихъ*, то несомнѣнно, что иные изъ нихъ получаютъ отъ Бога духовные дары, по преимуществу имѣющіе приложеніе къ чисто практическимъ задачамъ Церкви. Объ этомъ, какъ мы видѣли, ясно говоритъ Апостоль Павелъ, и такія мѣста Писанія вѣроятно и подали поводъ В. Соловьеву къ созданію его теорій. Извѣстное улучшение нашей соціальной жизни несомнѣнно входитъ въ обязанность Церкви и ея членовъ, создавая также весьма обширную область попеченія. Христіанство въ этомъ отношеніи сдѣлало очень много въ исторіи, и въ сущности именно имъ, его уроками, его духомъ, подсказаны многія улучшенія, совершенные невѣрующими не по какой либо-особой дан-

ной имъ благодати, а просто потому что всѣ они получали свои первоначальные уроки отъ христіанства.

Но въ той же области культурныхъ улучшеній именно невѣрующими возбуждается огромная антихристіанская сила. Помня уроки христіанства о дѣлахъ милосердія, но лишенные благодати, забывъ о Богѣ и о духовной сторонѣ человѣка, невѣрующіе прогрессисты создаютъ культурные идеалы, ведущіе къ полному упадку личности человѣка, ставятъ основной задачей культуры матеріальное благосостояніе, а въ его осуществленіи мечтаютъ замѣнить личность учрежденіями, доходя въ социализмѣ до превращенія человѣка въ безличное колесо чисто механическаго экономическаго строя. Во всѣхъ этихъ идеалахъ уродливо копируется Церковь, съ замѣной всеживотворящаго Бога какой-нибудь механической или вообще матеріальной силою. Тутъ чувствуется дѣйствіе „тайны беззаконія“, стремящейся украсть у человѣчества христіанство путемъ подмѣны основной его силы и съ подражаніемъ внѣшности его духа. Позволю себѣ повторить свои же слова изъ статьи „Соціальные миражи“.

„Въ понятіяхъ XVIII вѣка объ обществѣ явно матеріализованное воспоминаніе о церкви. Съ церкви скопировано представленіе объ обществѣ, какъ о нѣкоторой коллективности, опредѣляемой исключительно духовной стороной человѣка. Космополитизмъ новаго общества, таинственная народная воля, будто бы насквозь его пропитывающая, всѣмъ непонятно управляющая и при всѣхъ частныхъ ошибкахъ остающаяся непогрѣшимою—все это отголоски христіанской церкви. Это на всѣхъ пунктахъ царство не отъ міра сего, втискиваемое въ невмѣщающія его рамки сего міра“. Въ дальнѣйшемъ развитіи эта фальсификація пошла еще дальше въ социализмѣ, который замѣнилъ и самый духовный элементъ человѣка чистой матеріей, рисуя идеаль общества, гдѣ и Богъ и духъ замѣнены матеріальнымъ „процессомъ производства“, все чисто механически приводящемъ въ гармонію. Но на этой почвѣ подмѣны христіанства, эскамотированья его у человѣческаго рода, создаются и иные обманы. Мы уже видѣли въ разныхъ доктринахъ появленіе „Души народовъ“, „Коллективнаго Человѣчества“ и т. д. Мы видимъ выступленіе буддизма, помышляющаго о побѣдѣ

надъ христіанствомъ, причемъ онъ въ Японіи, напимѣрь, уже и старается опереться тоже на „культурный прогрессъ“. Вся эта огромная область не только „лжеученій“, но „лжедѣйствій“ требуетъ отпора со стороны христіанства, которое должно стоять на стражѣ того, чтобы подъ флагомъ культуры и улучшенія формъ жизни не подготовлялось порабощеніе людей духу зла, „Князю міра“, отбивающаго людей отъ Бога ужъ конечно не для того, чтобы дать имъ взамѣнъ хотя бы чисто матеріальное, животное счастье.

Огромная работа стоитъ, такимъ образомъ, передъ Церковью, долженствующею провести Царствіе Божіе черезъ тысячелѣтія міровой борьбы, и членъ Тѣла Христова можетъ ли не участвовать въ этой работѣ, если онъ только живъ, а не мертвъ? Дѣятельная солидарность съ задачами Церкви въ міровомъ процессѣ борьбы добра и зла, Христа и Антихриста, есть также часть нашей жизни во Христѣ, если мы не принадлежимъ къ тѣмъ, о комъ сказано: „Ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ“, „Знаю дѣла твои: ты ни холоденъ ни горячъ... изблюю тебя изъ устъ Моихъ“, и „Ты говоришь—я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ и нищъ, и слѣпъ и нагъ“...

XVII.

Многое бы слѣдовало сказать еще о работѣ личности въ церкви. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно для показанія того, отъ чего бѣдна, суха и неудовлетворительна для насъ самихъ наша религіозная жизнь. Она стала индивидуалистична, болѣе индивидуалистична, чѣмъ дозволяется истиннымъ религіознымъ чувствомъ для его жизненности. Церковность—величайшее проявленіе человѣческой коллективной жизни—стала въ глазахъ многихъ бѣднѣе государственности. Что такое значить жить въ государствѣ и для государства—это ясно. А что значить жить въ Церкви и для Церкви—закрылось передъ очами... Но развѣ такъ можно жить религіей христіанской? Сообразимъ хоть въ общихъ чертахъ сложную по содержанию, великую по задачамъ, глубокую по захвату духа нашего, полную труда по многоразличной работѣ—жизнь нашу со Христомъ въ Церкви, и если мы сопоставимъ съ этимъ

нашу дѣйствительную такъ называемую религіозную жизнь, то страхъ беретъ: съ Богомъ ли мы, живя такъ, какъ живемъ? А если съ Богомъ нельзя такъ быть, то многого ли стоятъ наши религіозныя „исканія“, въ которыхъ мы говоримъ „Господи, Господи“, а того что Господь указываетъ—упорнѣйше не творимъ. Развѣ можетъ тутъ не являться томленіе духа, и блужданія, когда мы свели свою церковную жизнь на такой минимумъ, что ужь дальше и идти некуда, не отрекаясь оффиціально отъ ученія Христа. Мы беремъ изъ Церкви такъ мало помощи и сами вносимъ въ жизнь Тѣла Христова до такой степени мало, что сами создаемъ въ себѣ полное оскудѣніе даровъ Божіихъ и сами себя лишаемъ жизни во Христвѣ.

Мы, говорятъ, „ищемъ Бога“... Но Бога можно найти только тамъ, гдѣ онъ находится, то есть въ Церкви и въ жизни Его жизнью. Если личность не находитъ себѣ удовлетворенія въ существованіи по стихіямъ міра сего и не видитъ себѣ пользы, пріобрѣта весь міръ, но отщетивъ душу, то вѣдь это именно потому, что въ насъ есть искра Божія, духовное начало, которое неудовлетворимо иначе какъ жизнью Божественной. Одно слово „религія“, „церковь“—не поможетъ. Только входя всѣми фибрами существа нашего—у кого какое есть—въ эту одухотворенную „надъ-соціальную“ среду, которая есть Тѣло Христово, человѣкъ находитъ свое истинное помѣщеніе, ощущаетъ себя „дома“, въ своей настоящей средѣ. Но быть въ ней—значитъ жить всей жизнью этого Тѣла Христова, получать отъ него притокъ духовныхъ соковъ, передавать ему умноженный талантъ свой, участвовать, по свойству полученнаго дара, въ животворной дѣятельности, охватывающей и судьбы малѣйшаго изъ человѣковъ, и судьбы народовъ, и судьбы всего міра. И если мы ничего этого не беремъ и не даемъ, то мы не живемъ религіозной жизнью!

Безъ сомнѣнія, не только тѣ, которые живутъ истинно церковной жизнью, но и заблудившіеся въ пониманіи ея требованій—во всякомъ случаѣ нѣчто получаютъ отъ своей хотя и неполной церковной жизни. Но недостаточность пользованія не можетъ не отзываться разными степенями замѣчаемыхъ нынѣ религіозныхъ нестроеній, блужданій и т. п.

И если мы чувствуемъ въ себѣ и вокругъ себя эту болѣзнь, то должны сознать истинную причину ея.

Несомнѣнно, что самая миссія Церкви въ мірѣ перемѣшивается христіанъ съ множествомъ фиктивныхъ, мертвыхъ членовъ Церкви. Это порождаетъ подавляющую тяготу, отъ которой была свободна древняя церковь. Но чѣмъ сложнѣе положеніе, тѣмъ болѣе внимательно должно заботиться, чтобы оно не подавило насъ, не сдѣлало мертвыми и тѣхъ, которые хотятъ быть живыми. Что нужно дѣлать для этого—вопросъ, котораго я не возбуждаю въ настоящей статьѣ. Думаю однако, что если бы мы хорошо понимали безусловную необходимость „вмѣстѣ спастись“, то во всякомъ положеніи находили бы для этого средства, какъ многіе и находятъ ихъ не только пониманіемъ, но даже только религіознымъ чутьемъ.

Чѣмъ хуже мы себя чувствуемъ въ религіозномъ отношеніи, тѣмъ настоятельнѣе нужно вспомнить, что духовная жизнь личности требуетъ *дѣйствительнаго* церковнаго единенія, не на словахъ и по формѣ, а на дѣлѣ, въ смыслѣ участія во всей полнотѣ ея жизни. Тѣ, которые имѣютъ это участіе—и въ наше время чувствуютъ себя удовлетворенными, своимъ примѣромъ указывая путь для всѣхъ, желающихъ быть дѣйствительными христіанами. И это путь—тотъ самый, который указанъ былъ намъ Христомъ.

Л. Тихомировъ.